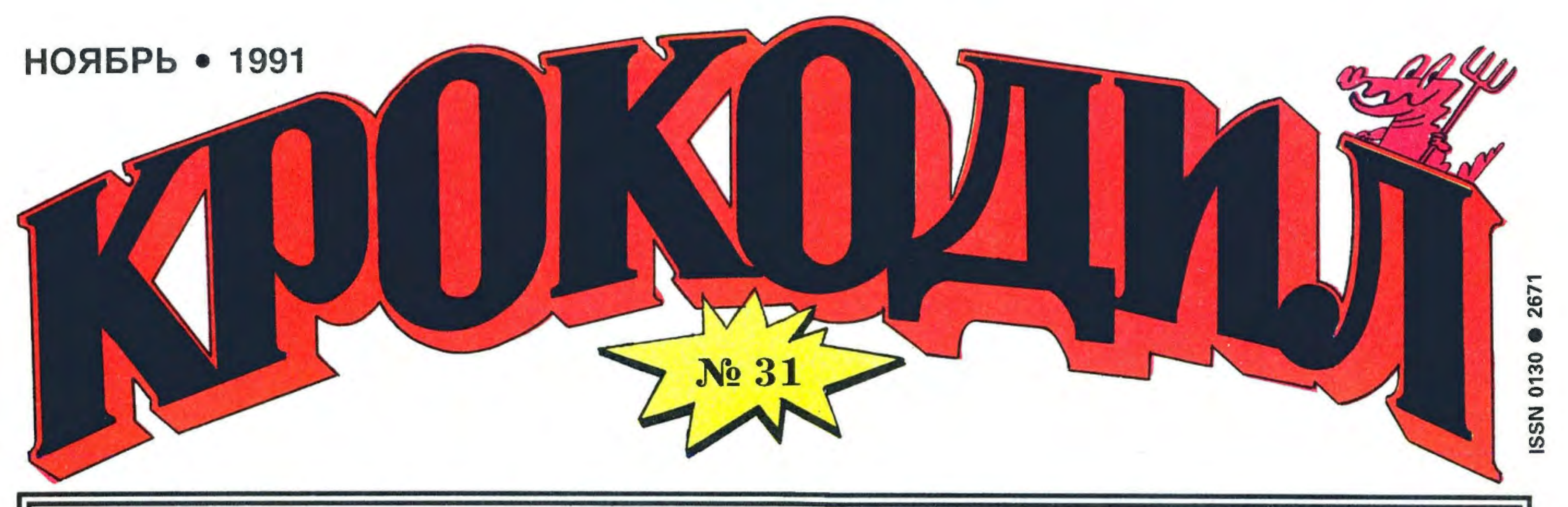
НОЯБРЬ • 1991

ISSN 0130 • 2671

Товарищ, вам секретное поздравление с Великим Октябрем!

В. ЛУГОВКИН.

КРОКОДИЛ

№ 31 (2725)
ноябрь 1991

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

Учредители:
трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство «Правда».

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует присланые литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 30.09.91.
Подписано к печати 08.10.91.
Формат бумаги 70 × 108⅛.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 102 000 экз.
(1-й завод: 1—1 552 371).
Зак. № 948. Цена 75 коп.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий»
г. Свердловск, просп. Ленина, 49
Тираж 2 765 000 экз. Зак. 1857
(3 завод 2 415 001—2 765 000).

В. МОЧАЛОВ.

ШКОЛА ДИВЕРСАНТОВ

В. Чубарев, проживающий в г. Тамбове, вызвал мастера из телеателье починить испортившийся телевизор «Чайка». Пришел человек, назвавшийся мастером Крючковым, покопался в телевизоре, взял 20 рублей и ушел. Через 10 минут телевизор вспыхнул, как факел.

По предположению владельца «Чайки», в Тамбове разместилась незарегистрированная пока в наших органах школа диверсантов. Легальный адрес ее конспиративной квартиры — ТТПО БОН.

СИНЕНОГИЕ?

У А. Рудых из г. Петропавловска-Камчатского посинели ноги, побывавшие в джинсах, изготовленных Калининским ПШО. Рудых на швейников не обижается, может, это у них такая авангардная модель, но, как человек консервативный, просит выслать ему растворитель для краски — на его ногах она держится значительно крепче, чем на джинсах. «В бане хоть не появляйся,— жалуется он,— люди пальцем показывают: «Во,— говорят,— глядите, как нитраты выступили!»

ЛУЧ СВЕТА — В ТЕМНОЕ ЦАРСТВО! —

требует жительница г. Учкудука из Узбекистана, умоляя не называть ее имени. Из страха мести за критику. Известно, что боязнь преследования развивается, в частности, из-за нервного перенапряжения в абсолютной темноте. А в г. Учкудуке после захода солнца на улицах — ни одного фонаря. Даже кошки трусливо прячутся.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

РАЙ И САРАЙ

Всего каких-то три часа,
Ну, может, с половиной —
И там без драки колбаса
И мясо в магазинах,
Духи, колготки, крепдешин,
Сервизы и графины —
Все, что угодно для души,
Сегодня есть у финнов.
И нету зависти в душе,
Невежества и лени:
Все так, как в тихом шалаше
Мечтал товарищ Ленин.
А рядом был еще сарай,
И пень, тот, на котором
Писал Ильич, что сущий рай
В России будет скоро.
И что ж имеем мы сейчас?
Пустые магазины,
Шалаш, сарай и пень — у нас,
А сущий рай — у финнов.

В. ДУБОВ.

— Обыкновенная утренняя зарядка, господин надзиратель.

«Остен», Югославия.

Г. ДРОБИЗ

ЭХ...

Рассказ

От процесса к процессу росла в Петербурге слава блестящего юриста Владимира Ульянова.

Со всего Тифлиса стекались верующие на проникновенные проповеди священника Иосифа Джугашвили.

— Паять, лудить! — раздавался на луганских улицах звонкий голос Клима Ворошилова. На глазах у населения час от часу крепло мастерство разбитного слесаря.

В Нижнем Новгороде папа Свердлов с надеждой посматривал на сына Яшу: вот кто унаследует его граверную мастерскую. С его темпераментом, волей, сообразительностью — быть ему миллионером.

А в белорусском местечке редкая девушка не заглядывалась на Лазаря Кагановича. Ладный малый, и ремесло выбрал истинно мужское: кожемяка.

... Ведь были же, были задатки! Могли стать людьми не хуже других: интеллигентами, предпринимателями, мастеровыми.

Ну почему не захотели работать по специальности?

Радость-то какая была бы — и им самим, и их семьям, и всем нам.

Эх...

ГДЕ ГАВРИИЛ ПОПОВ?

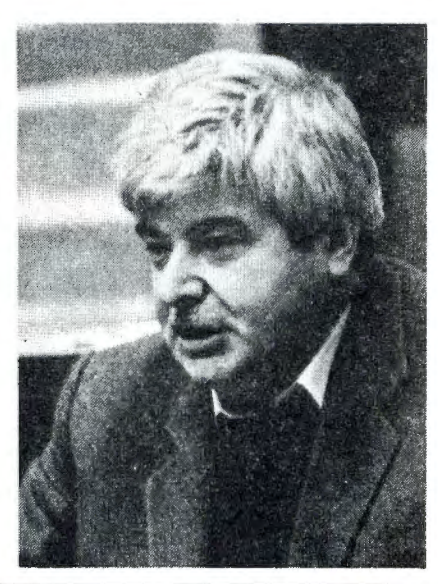
Гляньте на левую фотографию. Теперь на правую. Признали?

— Еще бы! — обиженно воскликнут и петербуржец, и москвич, и хабаровчанин.— Кто же не знает эту ярчайшую личность!.. Только вот на левом снимке Гавриил Харитонович, наверное, помоложе — усы погуще. А может, правый снимок просто качеством не удался. Часто, знаете ли, один и тот же человек на разных фото и выглядит по-разному.

Убедительно. Но в данном случае, господа-товарищи (или товарищи-господа?), перед вами не только разные фотографии — люди разные. Одного из них вы признали безошибочно. Это действительно Гавриил Харитонович Попов — интеллектуал, экономист, демократ, мэр, публицист, задушевный телесобеседник. Второй человек — тоже задушевный собеседник, но, поскольку на телеэкране он появляется нечасто, вы его, поди, не иденти-фи-ци-ровали. А это Гарий Леонтьевич Немченко — писатель, автор романов, повестей, рассказов, пьес, сценариев (дети обожают его фильм «Красный петух плимутрок»). А еще он крокодильский автор... А еще — мой старинный друг. В абрисе которого я издавна читал либо казацкую лихость, либо врачующее добросердечие — в зависимости от его внутреннего состояния. Но когда на заре перестройки Г. Х. Попов явил нам свой лик, я ахнул, прочитав в знакомом абрисе разительное сходство: «Гаря, да ведь ты капля в каплю Гавриил!» И прочие друзья подтвердили: «Вылитый!» «Да бросьте вы! Ничуть мы не похожи! — отмахивался похожий.— Сравните хоть носы...»

Но обыкновенные люди — прохожие, пассажиры, знакомцы и незнакомцы — не могли сравнивать: мэр и писатель не ходили парочкой. А вот общее сходство в облике, без деталей,— в крое головы, прическе, чертах лица, фигуре, даже в манере одеваться (ах, как оба любят свитеры с выпущенными воротничками!) — улавливали чуть ли не все встречные-поперечные. Что, конечно же, обернулось бездной курьезов и даже крутыми переменами в жизни и творческих намерениях писателя. О чем и свидетельствуют опубликованные на стр. 8—9 «Записки похожего» (полностью их вскоре опубликует журнал «Москва»).

А где же все-таки Гавриил Попов: на фото слева или на фото справа?

В. ПОБЕДОНОСЦЕВ.

ОКОНЧАНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ИВАНА БРИЧКИНА

В. Уборевич-Боровский
В. Луговкин (ТЕМА)

МУЖИКИ ОБЕЩАЛИ ПОМОЧЬ ЗАГОТОВИТЬ ОВОЩИ — НАДО ПОБОЛЬШЕ „ЖИДКОЙ ВАЛЮТЫ" ВЫГНАТЬ!

ОТКРЫВАЙ ВОРОТА, ХОЗЯИН — КАРТОШКУ ПРИВЕЗЛИ!

ТУТ ТЕБЕ И НА ПРОДАЖУ ХВАТИТ.

СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ, РЕБЯТА!

ЭЙ, ИВАН, СВЁКЛУ ДОСТАВИЛИ!

СПАСИБО ЗА СВЕКЛУ, МУЖИКИ!

БРИЧКИН, КУДА КАПУСТУ СГРУЖАТЬ?

СПАСИБО ЗА ВСЁ, БРАТЦЫ!

ВАНЯ, МОРКОВЬ ПРИВЕЗЛИ!

НЕ МОГУ БОЛЬШЕ, ЗИН!

См. стр. 7. ▶

Дмитрий СЕМЕНИК,
специальный корреспондент Крокодила

ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ,

или Яд от диктатуры номенклатуры

Оковы падают. Старших и младших братьев среди народов больше нет. Остались братья по несчастью. Наверно, именно поэтому мы сейчас так нужны друг другу. Так стоит ли республикам расплевываться и возводить новые «бугры»?

Лучше поможем друг другу выбраться из той трясины, в которую нас всех завели. Поможем не только делом, но и словом. А для этого мы должны быть мудры и самокритичны. Чтобы россиянин не обижался на едкую, но меткую критику киевского «Перца», а белорус — на горькое утоление белорусских болей (да и болито у нас еще ох как долго будут общими!) московским «Крокодилом». И чтобы и те, и другие, и третьи не воспринимали это как вторжение в чужие дела.

Если помните, в фельетоне «Маска для благотворительного комитета» (№ 5) мы удивились тому, что чиновники воюют с белорусским благотворительным фондом «Детям Чернобыля», как с подрывной организацией вероятного противника. Если же не помните, поясню: кучка подвижников не угодила власть имущим тем, что делает для детей Чернобыля куда больше них.

Ответом на фельетон было молчание. Однако это лишь часть реакции. Оказывается, тихой сапой, но весьма энергично они взялись за удушение неугодного фонда другими, более изощренными средствами.

Чересчур уж разошелся этот неуемный фонд. С утра до ночи народу в миниатюрном помещении фонда — как сельдей в банке. Председателя фонда Геннадия Грушевого буквально рвут на куски: когда он по трем телефонам сразу беседует с Германией, Австрией и Италией, которые ждут чернобыльских детей, за правую руку его теребит гость из радиоактивной зоны, а в левую суют факс из Канады. Десятка три активистов работают тоже на износ и тоже бесплатно. А вообще фонду помогают несколько сот добровольцев: приходят незнакомые люди, просят дать работу, а уходя, не требуют даже «спасибо».

Результаты? Если полгода назад насчитывалось 5 тысяч детей, вывезенных на оздоровление или лечение за границу, то сегодня их уже 15 тысяч. Причем это дети не только из белорусской, но и из российской и украинской частей зоны. Строятся кирпичные заводы, распределены сотни тонн импортного оборудования и медикаментов. Необычность работы фонда «Детям Чернобыля» состоит и в том, что, хотя от него едет за границу больше детей, чем от всех госорганизаций, вместе взятых, в эти поездки не смог еще пристроиться ни один аппаратчик.

Все эти факты не остались безнаказанными! Вдруг в начале лета три новые республиканские газеты принялись разоблачать председателя фонда «Детям Чернобыля» народного депутата Белоруссии Геннадия Грушевого. Причем самой непримиримой оказалась довольно громкая и бойкая «7 дней». Ее корреспондент И. Гуковский (кстати, активист белорусской «Памяти») стал поливать грязью Грушевого почти в каждом номере еженедельника. Словно выполняя госзаказ по компрометации фонда.

Обвинения Гуковского очень серьезные: «ДЧ» — темная организация, никем и никак не контролируемая, и возникают сомнения, что народные деньги тратятся на спасение детей». Но произведения его своеобразны. Изведя уйму бумаги, он так и не привел ни одного факта, компрометирующего фонд. Одни намеки. Но цель достигается: после прочтения этих статеек впечатление о Грушевом остается отвратительное.

Методика стара как мир и очень проста. Чтобы навсегда испортить репутацию человека, компрометирующие факты не нужны. Достаточно намекнуть, пошуметь, оболгать. А человеческая психология такова, что потом ни суд, ни любые опровержения добела эту репутацию уже не отмоют. И если номенклатурщики прекрасно могут жить при вконец испорченной репутации (возле кормушки, как в свинарнике, на репутацию не смотрят), то скомпрометированные подвижники будут изолированы. А дети останутся в чернобыльской зоне.

Впрочем, дети здесь мало кого интересуют. Поэтому с другого фланга яростную атаку на фонд начали правоохранительные органы. Поводом стали курсы иностранных языков, организованные при фонде «Детям Чернобыля», которому помогает половина доцентов Минского института не наших языков. (Выручка от курсов пошла на аренду помещения фонда.)

Нескольких выпускников этих курсов фонд послал переводчиками с группами детей за границу. А чету Рузановых не послал, найдя их знания недостаточными. Госпожа Рузанова сочла это препятствие смехотворным:

— Не хотите послать с детьми, так посылайте без детей! Ничего, на пальцах объяснимся.

Получив твердый отказ, Рузановы обиделись. И жалобу с требованием вернуть им деньги и строго наказать фонд послали почти во все (от районных до республиканских) уровни МВД, КГБ и прокуратуры. Для людей, с различными жалобами которых знакомы многие прокуратуры, такой поступок неудивителен. Удивительно другое: именно за это послание кем только не обиженных Рузановых обычно твердокаменные наши правоохранительные органы схватились с восторгом.

Тут же взялась за тотальную проверку фонда Минская прокуратура. И один криминал проверяющий нашел-таки: непорядок, что мамки и бабки из чернобыльских деревень, получая от фонда заграничные посылки, только расписываются в ведомости, но не ставят свою печать.

Все, кому очень интересно, могли бы просто почитать справку, составленную по итогам этой проверки, но, словно не доверяя друг другу, фонд принялись проверять наперебой: прокуратура Фрунзенского района, ОБХСС Ленинского района, ОБХСС Фрунзенского района... Дошло дело и до республиканской прокуратуры. Личное (!) указание прокуратуре БССР заняться этой жалобой дал сам Н. И. Дементей — тогдашний Председатель ВС БССР.

— Факт уникальный в истории этого государства,— разводит руками председатель фонда Геннадий Грушевой.— Глава республики, на имя которого приходят тысячи весьма серьезных жалоб, выделяет из них бытовую кляузу и дает личное поручение прокуратуре! Получается, что в нынешних условиях экономического и политического развала для него главное — помочь обиженной чете Рузановых отомстить благотворительному фонду? Это не случайность...

Впрочем, даже для уважаемого товарища Дементея Прокуратура БССР криминала в работе фонда найти не смогла. Думаете, активисты фонда вздохнули свободно? Плохо же вы знаете наши правоохранительные органы: они сражаются (с чернобыльскими детьми, но не с путчистами) до последнего патрона. Едва Прокуратура БССР вынесла свое решение, как в фонд ввалился инспектор ОБХСС Центрального района Костенко со словами:

— Я выведу вас на чистую воду!

И стало ясно, что, кроме «немецкой» комнаты, где сидит периодически сменяемый немецкой стороной представитель, в фонде нужно отвести одну комнату под «Штаб по защите тт. Рузановых», где постоянно будут сменять друг друга проверяющие. И пока единственный некоммерческий фонд будет давать отчеты (вместо того чтобы работать на детей) всем инстанциям, пройдет немало лет.

Раз фонду мешают жить, значит, это кому-нибудь нужно? Кому и почему?

— Достаточно осведомленные люди сказали мне, что ЦК КПБ поставил задачу закрыть «этот фонд»,— мрачнеет Грушевой.— Не только потому, что мы наносим колоссальный ущерб авторитету чиновников, если он еще есть. Но и потому, что мы мешаем тому бизнесу, который партийные функционеры разворачивают на чернобыльской «ниве». Им уже мало тех денег, которые они получают от коммерческой деятельности находящихся под их крылом чернобыльских фондов, имеющих льготное налогообложение. Теперь они положили глаз и на ту валюту, которая поступает из-за границы через наш фонд детям Чернобыля.

Надо сказать, что, опережая союзные решения, ЦК КПБ шел в авангарде приватизации. Увы, во время путча его попытка «приватизировать» в свою пользу сразу всю республику провалилась. Но цековцы не унывают: находившиеся под крылом ЦК кооперативы, СП, банки и чернобыльские фонды уже обеспечили многих «борцов за идею» надолго.

Пусть на дворе большие перемены, но мертвые не торопятся отдавать власть живым. ЦК КПБ уже нет, но воспитанные им кадры сидят крепко. И больно их хозяйскому оку видеть, как ручеек текущей в республику валюты поступает черт знает кому — чернобыльским детям. Что за времена настали: аппаратчик — и не моги вырвать у ребенка кусок изо рта! Когда такое было?!

Вот уже вышел в отставку Дементей, перекрасились цековцы, а дела их живут. Газетная травля и непрерывные проверки фонда (раз так долго копают, значит, дело нечисто — это знает каждый советский человек) приносят плоды. Вокруг фонда уже начала подыматься стена недоверия.

— Перед нами закрываются двери,— констатирует Грушевой.— После очередной публикации родители не пустили нескольких детей в оздоровительную поездку. Это удар не по нам. Снова хотят сделать жертвами чернобыльских детей.

Они могут сделать жертвой и надежду. Если растопчут этих людей и их святое дело, чего тогда стоят все перемены?

г. Минск.

Напоминаем телефон (34-21-53) и счет фонда: р/с № 700813 в «Микобанке», МФО 400417, банкополучатель 803161200, фонд «Детям Чернобыля». Если у вас есть желание помочь не каким-нибудь чиновникам или мошенникам, а чернобыльским детям, вы имеете прекрасную возможность сделать это.

МЕНЯЮ НА ЗЕЛЕНУЮ ЗОНУ

БЮЛЛЕТЕНЬ ПО ОБМЕНУ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ

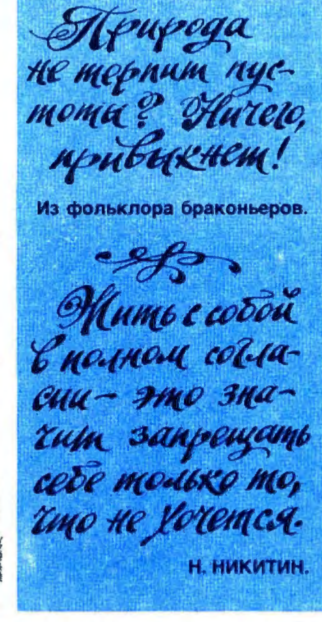
М. ВИКТОРОВА.

Платон, ты мне друг, но оставь свои истины при себе.

Н. НИКИТИН.

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

Л. ДОМНИН, «Кипэруш», г. Кишинев.

ПЕРЕВОРОТ... ПО ПЛАНУ?

Письмо Президенту СССР

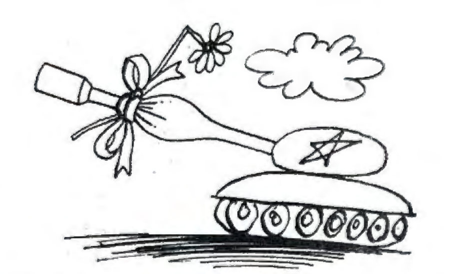
Уважаемый Михаил Сергеевич! Только сейчас в нашу глубинку попал текст Вашего выступления в Москве на Конференции по человеческому измерению, а попав наконец, полностью перевернул наше сознание.

В своем выступлении Вы говорили о трех уроках, которые следует извлечь из попытки государственного переворота. И мы, до сих пор относившиеся к путчистам отрицательно, теперь увидели в них людей, выполнивших роль, говоря строго, «госприемки», или, что будет точнее, «военпредов» по проверке созданной недавно демократии. Вы так прямо и говорите в первом уроке: «...подтвердился необратимый характер изменений, к которым привели демократизация и гласность». Второй урок: «Переворот не удался также и потому, что окружающий мир осудил путч, выступил в защиту демократии у нас, рассматривая ее как часть всего демократического мира». И это Вы тоже объясняете как очевидное явление, как завоевание перестройки. Третий урок: «...то, что произошло во время переворота,— в какой-то степени неизбежная схватка сил реакции и демократии. Накопившиеся противоречия должны были найти выход». Эта ясность и очевидность названных уроков нас потрясли! До сих пор мы, не обладая Вашим государственным мышлением, считали, что этот переворот можно было как-то предотвратить, но теперь мы видим: все было Вами просчитано, Вы наблюдали за страной, как мудрый врач за нарывом, и терапевтическим методам предпочли хирургическое вмешательство. Вот почему, просчитав все «про» и «контра», Вы приблизили к себе руководителей заговора, вот почему Вы, как режиссер, подготовив актеров, скромно удалились за кулисы! Вам-то, оказывается, был очевиден радостный финал, в то время как всю нашу глубинку бил нервный озноб, а некоторые, грубо говоря, вообще помешались от страха. В Вашей речи так и написано: «...демократические завоевания перестройки и новые отношения с внешним миром — предопределили поражение путчистов». ПРЕДОПРЕДЕЛИЛИ! Как жаль, что текст этого Вашего выступления попал к нам только сейчас, а не 18 августа! Тогда бы мы вместе с Вами смеялись над этими глупцами, а не жгли ночью подшивки «Огонька», не расставляли бы в шкафах собрания сочинений Иосифа Виссарионовича, которые мы тут, в глубинке, храним на всякий случай в погребах и подвалах вместе с другими консервами. Конечно, мы понимаем, что довести 18 августа до населения всей страны такст этого Вашего оптимистического выступления Вы не могли: тогда бы он попал в руки путчистов и для них бы раньше времени, как Вы говорите: «...обнажилась убогость их мышления, не позволившая им понять, что в обществе произошли такие изменения, которые неизбежно обрекут их авантюру на провал». Теперь-то мы понимаем, какой это с Вашей стороны был блестящий ход! Сделали, грубо говоря, дураков премьер-министром, министром обороны и председателем КГБ, они, естественно, получив такие посты, вообразили себя умными, да и попали в ловушку! Какое замечательное слово «НЕИЗБЕЖНО»! Одно бы только это словечко, хотя бы под расписку, тайно, Вы сообщили некоторым нашим землякам тут, в глубинке! А то у нас, например, отдельные безобидные на первый взгляд пенсионеры, которые по русскому обычаю «соображали на троих» и в политику не лезли, спешно преобразовались в «тройки», говоря, что это-то и есть настоящий русский обычай и они его сейчас всем покажут. Вот потому-то мы тут, в глубинке, и поняли поначалу переворот буквально, в том смысле, что все «на волоске» и вот-вот сажать начнут. Так что, проявив недавно свою политическую серость, мы просим Вас иногда делать нам какой-нибудь намек. И про то, что вся эта заварушка ненадолго, хорошо было бы нам знать заранее. Вот Вы говорите: «Скоротечность путча, помимо всего прочего, показала оторванность заговорщиков от народа...» Раньше бы мы сказали: ну оторванность и оторванность! И ничего больше. А сейчас, глядя на этот ГКЧП под новым, сдвинутым этим переворотом углом зрения, мы вспомнили ленинские слова о декабристах: «...страшно далеки они от народа...». И сейчас спорим: декабрист, например, Павлов, или все-таки не декабрист?

И в заключение — самое важное. Анализируя этот переворот, Вы говорите о трех уроках, которые следует извлечь вроде бы демократам. А мы, зная Вас как бывшего верного ленинца, сразу схватили его известную работу «Уроки московского восстания», написанную в августе 1906 года. И что же видим? Там тоже три урока! Первый — о слабости руководства восстанием, второй — о недостаточном внимании, которое было оказано борьбе за войска, и третий — о том, что «московское восстание выдвинуло новую, баррикадную тактику борьбы...». Да ведь все три урока не учли руководители ГКЧП и потому так быстро провалили восстание! И мы сейчас спорим, верные они ленинцы или все-таки не верные?

Остаемся к Вам с глубоким уважением, простодушные жители из глубинки.

Записал под диктовку приезжий А. СМИРНОВ.

— Эх, не переловили мы их вовремя — вот они и создали свою партию...

В. ЗЕЛИНСКИЙ, «Перец», г. Киев.

Один мечтает поймать Жар-птицу, а другому она задаром не нужна: он любит жареную курицу.

Войти в клетку с хищниками может смелый, а выйти — счастливый.

М. ГЕНИН.

Р. ДРУКМАН.

Шура ЩУРОВ
(Из Одессы)

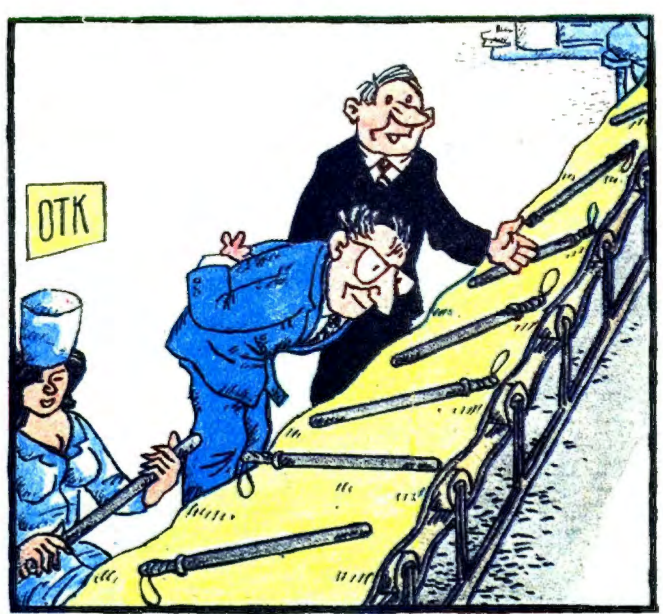
И на бессмысленной работе есть свои передовики и отстающие.

Если хочется начать все сначала, значит, скоро конец.

Чужой жене можно многое простить...

Девушек украшает скромность, женщин — ювелирные украшения.

Знания забываются, годы учебы — никогда!

— Освоили выпуск товаров для народа.

О. ШОМСИЕВ, «Хэнэк», г. Уфа.

Владимир КАРПЕКО

КОГДА БЫ Я МИНИСТРОМ БЫЛ...

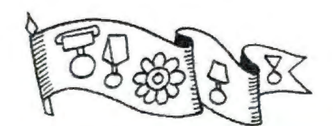
Есть на примете у меня
геройский человек.
За ним слежу день изо дня
почти что целый век.

Когда бы я министром был,
тогда б, само собой,
уж я его бы наградил
наградою любой.

Я «За отвагу» б приказал
медаль ему вручить —
ведь он отвагу проявлял
начальнику не льстить.

Я пламя б знамени простер
хотя б за то над ним,
что он не взяточник, не вор,
не лжец, не подхалим.

Пожалуй, «Знак Почета» б дал
товарищу тому
за то, что здраво рассуждал
он вопреки всему.

Когда бы я министром был,
вполне познав свой век,
такой бы орден учредил:
«Нормальный Человек».

И награжденному одну
велел бы льготу дать:
чтоб жить, как он живет, ему
никто не смел мешать!

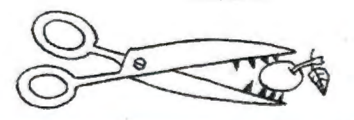
МАРШ ЦЕНЗОРОВ

(Почти по М. Светлову)

Мы ехали молча. Куда нам спешить?
Нам только б не дать
литератору жить.

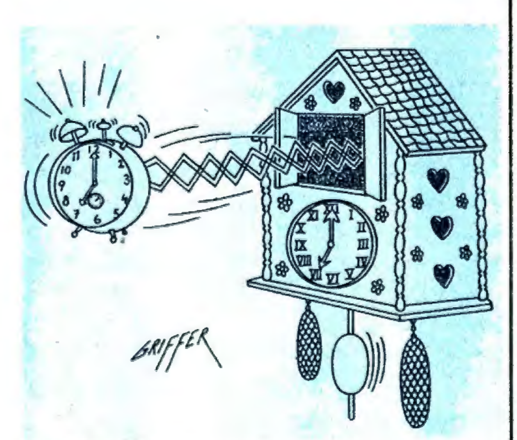
Сражаясь с автурой
в неравных боях,
за «яблочко» песню держали в зубах!

Абзац за абзацем твердя наизусть,
искали крамолу
иль попросту грусть,
твердили угрюмо,
по строчкам скользя:
— Не надо!
Не надо!
Не надо!
Нельзя!

Л. ВОРОБЬЕВ,
«Чаян», г. Казань.

ГРИФФЕР, Швеция.

СЛЫХАЛИ ЛЬ ВЫ?

«Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значения которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розог».

Так определил место литератора в строю, через который прогоняют провинившихся, наш мудрейший Л. Н. Толстой.
Итак, с писателями, выходит, все ясно. А вот как быть с царями?

❁

«Мы должны благодарить тех, которые указывают нам наши недостатки».

Ответим на это французскому математику Блезу Паскалю: годовая подписка на «Крокодил» стоит всего 34 рубля 20 копеек. Не пожалейте, отстегните. Это и будет вашей благодарностью за наш труд по исправлению ваших же недостатков.

❁

«С товарищем Сталиным трудно спорить. Ты ему цитату, он тебе — заключение. Ты — выдержку, он — ссылку».

Предполагаемый автор — К. Радек, из выступления на съезде. Реакция на шутку общеизвестна.

❁

«— Слышь-ко, Иван, а ведь супружница-то твоя теперь и посадить тебя может?
— А посадит, так и посидим!»

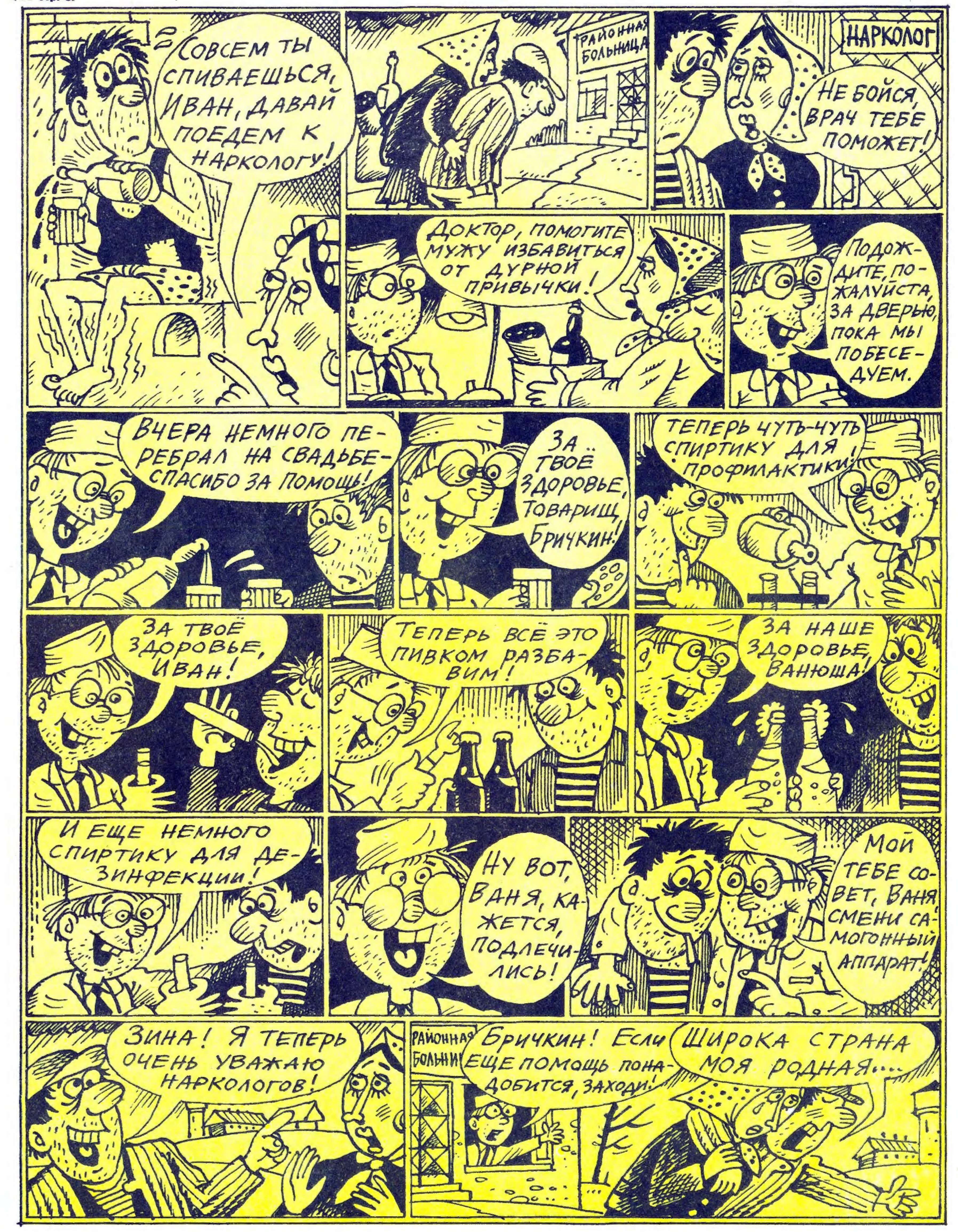
Так достойно ответил муж героини фильма «Член правительства» Александры Соколовой на любопытство земляка.

Собрал А. СУКОНЦЕВ.

«Рогач», ЧСФР.

◄ Со стр. 3.

СОВСЕМ ТЫ СПИВАЕШЬСЯ, ИВАН, ДАВАЙ ПОЕДЕМ К НАРКОЛОГУ!
РАЙОННАЯ БОЛЬНИЦА
НАРКОЛОГ
НЕ БОЙСЯ, ВРАЧ ТЕБЕ ПОМОЖЕТ!
ДОКТОР, ПОМОГИТЕ МУЖУ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ДУРНОЙ ПРИВЫЧКИ!
ПОДОЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЗА ДВЕРЬЮ, ПОКА МЫ ПОБЕСЕДУЕМ.
ВЧЕРА НЕМНОГО ПЕРЕБРАЛ НА СВАДЬБЕ — СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ!
ЗА ТВОЁ ЗДОРОВЬЕ, ТОВАРИЩ БРИЧКИН!
ТЕПЕРЬ ЧУТЬ-ЧУТЬ СПИРТИКУ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ!
ЗА ТВОЁ ЗДОРОВЬЕ, ИВАН!
ТЕПЕРЬ ВСЁ ЭТО ПИВКОМ РАЗБАВИМ!
ЗА НАШЕ ЗДОРОВЬЕ, ВАНЮША!
И ЕЩЕ НЕМНОГО СПИРТИКУ ДЛЯ ДЕЗИНФЕКЦИИ!
НУ ВОТ, ВАНЯ, КАЖЕТСЯ, ПОДЛЕЧИЛИСЬ!
МОЙ ТЕБЕ СОВЕТ, ВАНЯ, СМЕНИ САМОГОННЫЙ АППАРАТ!
ЗИНА! Я ТЕПЕРЬ ОЧЕНЬ УВАЖАЮ НАРКОЛОГОВ!
РАЙОННАЯ БОЛЬНИЦ
БРИЧКИН! ЕСЛИ ЕЩЕ ПОМОЩЬ ПОНАДОБИТСЯ, ЗАХОДИ!
ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ...

Гарий НЕМЧЕНКО

«ВЫ — ГАВРИИЛ ПОПОВ!»

Записки похожего

1

Ступил на ленту эскалатора, услышал детский крик и успел увидать, как по соседней лестнице, тоже уходящей вниз, пытался выскочить наверх мальчик лет восьми-девяти...

Был тот редкий случай, когда народу было совсем немного, а работали все четыре длиннющие ленты, и люди запоздало оглядывались на него, но продолжали двигаться дальше, послушные механической силе, которой они доверились...

Успел рассмотреть отчаяние на залитом слезами лице, а потом глядел на лопатки, которые трепыхались под рубашонкой, как крылышки,— так он старался преодолеть эти несколько метров впереди, так хотел вырваться!.. Не знаю, что там произошло, но ощущение от несчастного вида мальчика, от полузадушенного его плача было такое, словно случилось непоправимое... Может, кто-то из приятелей, подведших его к краю лестницы, сам потом не поехал, убежал, и от такого предательства мальчику стало очень обидно... А может, толкнула его вниз, желая избавиться от него, злая мачеха? Да нет, нет — время этих сказок прошло, правда, многое происходящее теперь страшнее подобных сказок.

Дернулся было крикнуть кому-то, кто неподалеку от мальчика, чтобы остановили его и заставили спуститься вниз. А иначе ведь не только из сил выбьется — еще и сердечко свое, тоже птичье, надорвет обидою и отчаянием...

Я все оглядываюсь назад, вверх, а то гляжу вниз, на застекленную будочку дежурной... там она?.. Там! Обыкновенная «красная шапочка» из московского метро, уже очень пожилая, как и подобает быть доброй бабушке, и лицо хорошее — сейчас я ей все скажу, и она тут же нажмет кнопку...

Чтобы поскорее подойти к будочке, делаю шаг влево и тут же получаю удар пятернею в спину:

— То он вертелся, а теперь на ноги лезет!

Понимаю, что заступил дорогу женщине, которая перед самым концом эскалатора решила-таки сойти прежде меня, но рука у нее, надо сказать, больно тяжелая.

— Извините, но я только хотел...

— Кретин!

Мне надо, чтобы дежурная нажала на кнопку. Невольно поворачиваюсь лицом к своей обидчице, но теперь вдруг она заступает мне дорогу:

— А я сперва не узнала, ой!

Гляжу на нее, пытаясь припомнить, где могли видеться. Как она вдруг меняется!.. Только что передо мной была злая, с колючими глазами женщина, которой давным-давно за пятьдесят... И вдруг куда что девалось: и злость, и самоуверенность. Прямо-таки стремительно превращается она в тридцатилетнюю робкую красотку:

— Гавриил Харитонович?.. Вы?!

Сколько раз уже пытался на будущее внушить себе. Да, мол, говоришь — это я. Попов, да.

И спокойно ждешь: что дальше-то будет. Для начала извинится? Поблагодарит за что-нибудь? О чем-либо спросит? Вон какая стоит, вся счастливая... Ну, не повезло ли бабенке? Какого-то кретина хвать пятернею по хребтине, и вдруг он оборачивется: на-адо же! — сам мэр Москвы! И так вот запросто... в метро. Как там это? Прост, как правда!

Меня вдруг захлестывает обида.

Я поворачиваюсь и ухожу молча, скрываюсь за колонной, прислоняюсь к ней плечом: будто к дереву, от которого хочу набраться сил. Вот шла во мне какая-то внутренняя работа, которая, выходит, никому в этом городе не нужна... И рыдающий мальчик пусть бежит себе и бежит... Зато, если ты хоть отдаленно похож на их кумира...

Она подходит, опустив голову. Как школьница чертит носком каменный пол, виновато говорит:

— Бога ради простите: не записываться же мне теперь на прием, чтобы перед вами извиниться?

Сказать? Так ведь не поверит! Отступаю за колонну, оттуда уже спешу навстречу подходящему поезду, но и она успевает войти в соседний вагон и смотрит, смотрит на меня оттуда через окно...

2

Из Майкопа мы с женой возвращались уже в декабре и билет купили в спальный вагон: куда иначе девать и дары Кубани — хоть и заметно поскудневшие, но все же еще достаточно обильные,— и многочисленные сумки, портфели, кофры с моими черновиками да с книгами.

Он подсел в наш вагон либо поздно ночью в Ростове, либо уже ранним утром в Харькове. Стоя у окна, все посматривал на меня дружелюбно, хотя и слишком внимательно, а перед самой Москвой, когда многие уже и пальто надели, и чемоданы в коридор выставили,— подошел.

На нем была новенькая дубленка стального цвета, и глаза у него были цвета этой дубленки. Норковая шапка в руке. И шарф: под норку. Остановился рядом и негромко, почти на ушко спросил:

— Я ошибаюсь... или?

— Ошибаетесь! — говорю ему как бы со вздохом облегчения.

Он неизвестно чему обрадовался:

— Оч-чень хорошо! Оч-чень!

— Да как сказать,— отвечаю. И кончиками пальцев тычу себе в бок.— У меня это уже вот где: в печенках.

— И что: не только в Москве вас за него принимают?

— Телевизор теперь везде. Вечером его на сессии в Москве показали, а утром в пансионате под Майкопом старик адыгеец говорит мне: думал, ты не успеешь к завтраку! Думал, к вечеру прилетишь. Хорошо ты их расчихвостил!

— Вы себе не представляете, как это здорово!

— Ай, бросьте! — И я опять касаюсь пальцами бока.— Говорю: вот!

— Ясное дело, что это не так просто... перегрузки будут, а как же? — соглашается он очень дружески.— Но игра-то ведь стоит свеч? Признайтесь: стоит?

— Вы серьезно?

Он смотрит с особым вниманием, но тут же глаза его снова теплеют:

— По вашему тону чувствую, что говорите искренне... Вы и в самом деле ничего с этого не имеете? — И он обводит вокруг своего лица пальцем.— С этого, я имею в виду?

— Я что, похож на человека, который...

— Вы мне все больше нравитесь, да! — говорит он радостно.— Значит, я не ошибся... Но у мужчин есть кой-какие потребности... у настоящих, я имею в виду. Потребности душевные, разумеется... в карты играете?

— Вот уж чего нет...

— Не важно... Что-то другое: горные лыжи?.. Охота на крупного зверя?.. Женщины?.. Спортивный автомобиль?.. Вы должны любить риск... умеете рисковать?

— Пожалуй, да.

— И я об этом. Желание посмотреть, что там, за углом... Оно во всех нас сильно. По-моему, вы не исключение. И вы наверняка всю жизнь учитесь... Любите учиться? Умеете?

— Пожалуй, да. Тут — пожалуй.

— Вот и надо посмотреть. Что там. За углом!

Тон у него меняется — теперь он словно приказывает. Но делает это весело, как бы даже чуть озорно. Очень дружески.

— Я вам дам телефон: подумайте прежде хорошенечко. Позвоните потом и скажите. Тому, кто трубку возьмет. Гаврила, мол, Харитонович звонил. И скажете, где увидимся. Этого достаточно. Все!.. Кто вы на самом деле, меня, как вы понимаете, не колышет. Кто я — а зачем вам?.. Разве я не прав?

Любопытство — вечный двигатель, который на что только не подтолкнет, чего только не заставит выслушать!

— Сложного, скажу я вам, ничего. И ничего предосудительного: не вылезая из машины, рукой помахать. Ну, еще что-то в этом роде. Улыбнуться издалека... а может, наоборот: пальчиком вот так погрозить, мало ли?.. Только и всего! Всего-то, а?.. Пустячок! И — год или два безбедной жизни. Вы ведь, кажется, из тех, кто ценит свое время?.. Вы — цените, вижу: цените. И еще: впереди у нас очень сложные времена. Несмотря на то, что вы так похожи, у вас доверчивые глаза... Я вижу, я все вижу! И вы еще и близко себе не представляете, какие нас ожидают трудности... так что?.. Я ведь не ошибся в вас: будьте мужчиной. Наше дело — риск... что там, за углом? Позвоните — мне тут же передадут. Я буду ждать: хоть месяц, хоть два. Лишь бы не кончилось е г о в р е м я.

Сунул мне в карман узенькую полоску бумаги, на которой ни имени, ни фамилии — лишь номер телефона.

Надел свою норку и заторопился по коридорчику: поезд наш уже притормаживал у перрона.

3

Едва вышел из издательства, «на Гаврилу» поймался еще один. С первого взгляда вижу: этому мало только поглазеть. Уж больно наглая, прости, Господи, рожа.

Жарко дохнул семечками — это ничего еще, ничего: все же не самогон с чесноком.

— А ты бы знаешь че? — спрашивает весело и громко. Наверняка — сибиряк.

И я с невольной улыбкой отступаю в такое уютное отсюда, издалека, сибирское свое прошлое:

— Че?..

— А ты возьми и такой календарик выпусти... Свою фотку и надпись под ней забацай: я — не Гаврила Попов. Знаешь, хапать будут!

— Ты думаешь?

— Да я тебе говорю!

То-то он так остро поглядывал, и глаза временами этакий туманец затягивал: соображал, значит. Просекал. Просчитывал! Молодец!

Пожалуй, и действительно — идея! И ведь смотри-ка: дарит! За так отдает. Или доли своей сейчас потребует?

Лицо открытое, насмешливые глаза, горбинка на перебитом когда-то носу и мятые уши, какие бывают у борцов. С мощными плечами, высокий. Жилистая шея с тугим кадыком. Весь в джинсовом, но, правда, ему бы ватник больше пошел. И кирзачи с отвернутыми голяшками. И тайга, тайга бы вокруг!.. Я опять улыбаюсь:

— Кооператор, че ли?

И так большой, а тут прямо-таки раздулся от гордости. Но и на меня глядит почти с восхищением: «Гаврила»-то оказался в доску свой — сибиряк!»

— Кооператор? Чего молчишь?

Он наконец шумно выдыхает, разводит громадными лапами.

— Ну!.. Захочешь календарь сделать, я тебе помогу. Такую фотку забацаем!

Заняться и действительно, че ли?

4

Прошлым летом мне как-то позвонили из правления российского Союза писателей: на встречу с нашим братом завтра приедет Полозков. Не хотел бы я принять...

О-оп!

Ух ты, какая ты тяжелая, ничего себе! Ну не скаль зубы, не скаль. И не рычи. Как звать-то?.. Кличка, кличка какая? Да ладно — все равно не укусишь. За что кусать, ну за что?! Ты же все понимаешь, все. Моя-то Квета уже два года как померла — вот ньюф был!.. Но собачкой от меня — до сих пор небось ощущаешь?.. Да свой я, ну — свой... Успокоилась? Теплая какая... Ну, повиси, повиси. Правда, шерсти потом... Мы однажды в «козлике» ехали: нас семеро, охотников, и десять собак. Лайки все были, да. Одну я вот так же на груди держал всю дорогу, пока мы добирались до Средней Терси, там тогда медведь стал озоровать, задрал уже двух коров, ну и передали знакомые... А я был в черной суконной куртке, в «мартеновке» — двадцать пять лет прошло, веришь, собачка, четверть века, а я до сих пор нет-нет, да и вытащу из нее шерстинку... Лайка была, Найда звали. Так втерлась тогда шерсть — не выберешь... Да ты повиси!

Это происходит автоматически: как только произнес «Полозков», тут же на тебя давай собак вешать. Хорошо, что эта пока тоже свалилась из дорогого душе сибирского прошлого...

Так вот, почему я решил на эту встречу пойти? Объясню.

Полозкова я по Кубани знал, и на все, с ним связанные дела, был у меня такой взгляд: это ничего не значит, в каком там ракурсе да с широко ли открытым, так ли, как у Иванушки-дурачка, ртом наши фотопулеметчики успевают его запечатлеть... Дело-то в другом, только правильно поймите: в другом. Человек может в один миг до неожиданных высот вырасти. Лишь бы он почувствовал — Зов. Услышал — Слово. Ощутил — Благословение. А «капээсэс» там или и в самом деле один забубенный Иванушка — это уже дело сто двадцать восьмое.

Но бывает, когда человек так и не понял ничего, когда ему предоставлялась такая возможность — п о н я т ь, это мы все уже наблюдали, как говорится. Пыжится еще, пыжится, а сам уже как спущенный мяч.

Так вот, хотел я своими глазами убедиться: услышал ли что Полозков? Почувствовал ли? Понял ли?

Речь-то, однако, не об Иване Кузьмиче.

Только я повернул в коридор на третьем этаже, значит, как из приемной из своей вышел Михалков...

До этого, надо сказать, лет восемь или десять он меня в упор не замечал.

Когда еще работал в издательстве, посмел я заартачиться, братцы: хотел его сборник из плана вычеркнуть. Ну не через два дня на третий издавать Сергея Владимировича, хоть он и Михалков?

Ну, а ему тут же настучали.

Осложнения в наших отношениях с Сергеем Владимировичем вышли. Большие. В чем меня он только не подозревал! Ну и не замечал — в упор.

А тут вдруг увидал меня и расплылся в самой что ни есть дружеской улыбке. С вытянутой рукой пошел навстречу:

— Т-ты хоть представляешь,— говорит громко,— как ты стал похож на Гаврилу Попова?

— Сергей Владимирович! — отвечаю ему.— Ну почему это я — стал?.. Я и был такой. Разве не помните?.. Это он стал Депутатом. И его начали по телевизору показывать. А я как был...

— Все равно, все равно! — дружеским, чистосердечным смехом отзывается Михалков.— Очень похож, ты это имей в виду: очень!

Приехал Полозков, все заняли свои места, наш брат как бы в зале, а у них там что-то вроде президиума — небольшой такой неширокий столик. И сидят: слева — Бондарев, справа — Михалков, а посредине, значит,— Иван Кузьмич. Что-то объяснить пытается, что-то втолковать и нам, и заодно — это совершенно ясно видно — себе...

Пробую услышать его, пробую понять, но тут вдруг глянул на Михалкова: смотрит на меня — ну буквально счастливыми глазами и улыбается — ну как ребенок!

Взглядом встретились — я тоже не выдержал, расплылся, а он там — ну чуть не прыснул. Что значит все-таки: х у д о ж н и к!

Речь вот о чем: быть или не быть Союзу?.. Быть или не быть России?.. А у него там что-то зацепилось в воображении одно за другое — и пошла писать губерния: чего небось только уже не напридумывал, каких только сюжетцев не сочинил...

Отсмеялся я, посерьезнел, попробовал было строгий вид сделать и не глядеть на Михалкова, потом все-таки как бы невольно скользнул глазами — и опять: смотрит на меня во все глаза и радуется — рот чуть не до ушей. Ну дядя Степа!..

Что значит и в самом деле художник, да еще драматург, да юморист, да сатирик. Слегка повел подбородком в зал, как бы на меня, а потом еле заметно кивнул на Полозкова, и мне показалось, потребовал глазами ответа: почему квартиру в Москве человеку не даешь? Дай!..

Я опять спрятался за чьей-то спиной и затрясся от смеха. Но отчего-то сделалось одновременно так грустно...

В Союзе писателей я уж почти тридцать лет. И вот впервые мы так радостно переглядываемся, и так сердечно да с таким пониманием с Сергеем Владимировичем пересмеиваемся... есть повод!

Я ли в том виноват?.. С непростым своим казачьим характером. Он ли — со своею невольной дворянской спесью? Оба ли?.. Русаки.

Но по вдохновенному его виду я тогда понял, что старый сюжетец о двойниках сладко шевельнулся у него в душе и в рост тронулся.

Но и я люблю учиться, люблю...

Что там, и в самом деле, за углом?

Продолжение следует.

В. ЛУГОВКИН.
ВОКРУГ ВАНТУСА

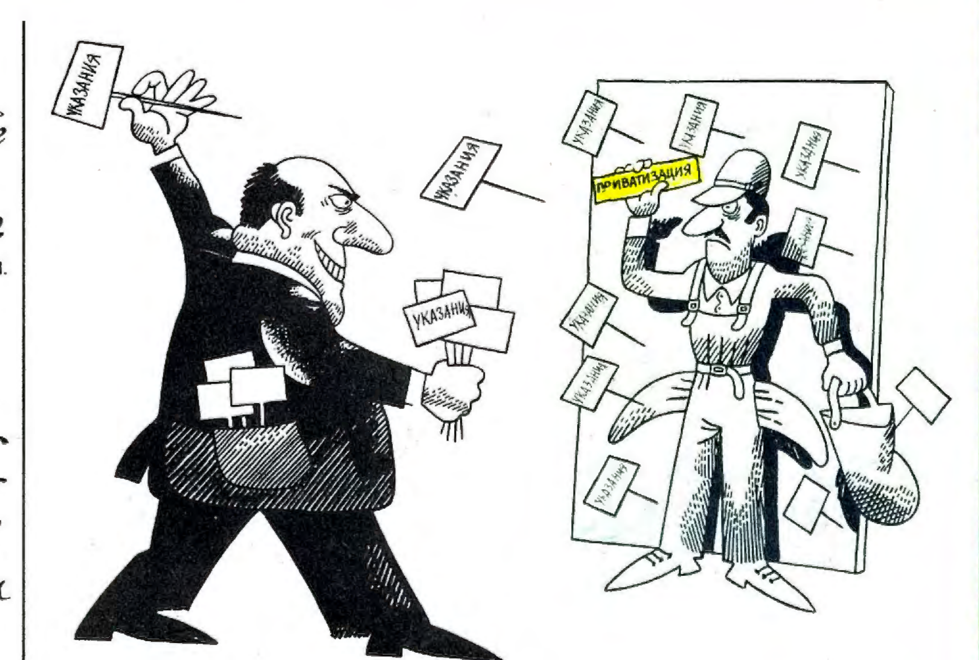

Когда дисциплина хромает на обе ноги — это не так заметно.

Н. НИКИТИН.

Иной и не прочь бы сделаться важной птицей, да боится, что посадят в клетку.

Евг. ТАРАСОВ.

А. КЛАС, Югославия.

А. НЕНЦИНСКИЙ

ЗЕЛЕНЫЕ СТИХИ

Есть белые стихи. Мужая,
их пишет зрелая пора.
А я пишу и уважаю —
зеленые, как тополя.
Пускай слывущий за провидца
знаток очки приблизит к ним.
«Они ж зеленые!..» —
скривится.
А для чего мне быть седым?
Пускай живут на свете белом,
не откровенья — до поры.
Пусть их относят к неумелым —
они надеждами щедры.
И, значит,
рост надеждам велен,
и он ли будет нехорош,
когда подхлестывает зелень
хоть и критический, но — дождь!
Придет в свой срок
для умудренных
и мастерство, и борода,
но вот таких стихов — зеленых —
не написать уже тогда.

Перевел с украинского В. ГОРДЕЙЧЕВ.

Юрий БОРИН,
экономический
обозреватель Крокодила

О ЧЕМ ДУМАЕТ ТАНК?

Это неправда, что танк не думает, потому что он железный. В перерыве между боевыми действиями танк думает о том, чтобы, извините, пожрать.

И когда в достопамятные августовские дни и ночи на улицах Москвы стояли танки, сердобольные москвичи кормили танкистов, хотя само присутствие грозных машин отнюдь не радовало жителей столицы. Кормили «наших» и «ненаших», считая, что солдаты не могут отвечать за глупость своих начальников.

Между прочим, знаменитый генерал Пиночет, захватив власть в своем Чили, озаботился не только и даже не столько о боеприпасах для танков, сколько о пищевых припасах для страны. Хоть и диктатор, а понимал: путь к сердцу народа лежит через желудок.

Наши доморощенные пиночеты извлекли уроки из чилийского варианта: в ГКЧП был включен испытанный специалист по аграрным делам Василий Стародубцев.

Глава тульского племенного завода имени Ленина, руководитель агропромышленного комбината «Новомосковский», Герой Соцтруда и председатель Крестьянского союза слыл ярым поборником колхозно-совхозного режима. Только этот режим, утверждал аграрий-марксист, приведет страну к изобилию. Только он способен накормить народ досыта. Эта замечательная теория удачно вписывалась в военно-полицейскую концепцию, которую проповедовали гэкачеписты: народ надо держать в узде, иначе разбалуется. Шаг вправо или, не дай Бог, влево приравнивается к побегу. А стало быть, главное — железная дисциплина и лагерный порядок. И тогда — шагом марш к светлому будущему.

В качестве примера Стародубцев приводил руководимое им хозяйство, достигшее небывалого расцвета и неслыханного успеха. Шутка ли — на центральной усадьбе кругом асфальт, дома городского типа, дом культуры, плавательные бассейны и даже свой колхозный ресторан с музыкой. Словом, коммунизм в одном отдельно взятом хозяйстве. Да если бы все колхозы и совхозы страны так работали — вот житуха бы была! А вы тут толкуете о каком-то фермерстве, о частной собственности на землю и прочих абсурдах, присущих исключительно отсталому капиталистическому строю, который вот-вот догниет и окончательно развалится.

Заезжие экскурсанты из числа партийно-государственных бонз на все лады воспевали стародубцевское показательное хозяйство и призывали на него равняться, что очень походило на команду: «Напрраво рравняйсь!»

Да вот беда: равняться со стародубцевским раем мог далеко не всякий колхоз или совхоз. И причина была все в той же показушно-парадной социалистической системе. Ну разве под силу рядовому равняться на маршала? Разве мог заурядный колхоз рассчитывать на те безразмерные ассигнования, на те внеочередные поставки техники, удобрений, стройматериалов и прочего добра, которое обильно, подобно золотому дождю, сыпалось на хозяйство прославленного «героя»?!

Впрочем (и это самое любопытное), благоденствовали в этой коммунистической обители в основном сам Стародубцев и его присные. Остальные, как выяснилось, отоваривались по карточкам. Да-да, в архипередовом племзаводе имени вождя революции была установлена обычная карточная система.

Она была установлена потому, что Стародубцев не признавал частной собственности. Загнав набранных по лимиту работников в городского типа «хрущобы», он лишил их приусадебных участков. Дабы личное хозяйство не отрывало людей от общественных полей и ферм. И люди покупали молоко, мясо, масло и картошку в колхозном магазине. В порядке живой очереди. И когда корреспондент обратился к одной из женщин, стоявших в этой унылой очереди, с вопросом, как ей нравится жизнь в таком варианте, та простодушно ответила:

— А мы приехали сюда только из-за жилья. Из-за жилья и стоим в очередях. Продукты получаем по талонам, зато иногда без талонов завозят масло. Правда, раньше было легче: Москва рядом — ездили туда за мясом...

ВИЛЫ В БОК!

МОГУЧИЙ РЫЧАГ ПРОГРЕССА

Свершилось — талоны на «предметы первой необходимости» стали делом таким же привычным, как вечерняя трансляция заседаний Верховного Совета.

Однако талонополучателей ожидает масса сюрпризов — талонораздатчики повсеместно решили облегчить себе жизнь, выдавая заветные бумажки только в обмен на определенные услуги. Приходит, скажем, ветеран войны товарищ Борзенков из с. Малеевка Восточно-Казахстанской области в местный Совет за талонами на сахар, а у него требуют квитанцию об уплате местного налога. Конечно, сбор налогов — весьма трудоемкая вещь: вон в США этим занимается целое ведомство, и не всегда успешно. А тут такой рычаг...

Мне кажется, с введением талонной системы у нас появился исторический шанс разом навести порядок в стране. Для этого достаточно при всех исполкомах и жэках создать авторитетные комиссии по выдаче талонов с участием всех заинтересованных организаций и ведомств.

А дальше, вероятно, будет так: перешел улицу в неположенном месте — штраф в виде лишения талона на масло. Не сводил вовремя на прививку собаку — пей чай без сахара. Задержал библиотечную книгу больше положенного срока — не видать тебе мыла. Ну а если не вступил добровольно в Добровольное общество борьбы за трезвость — на праздники тебе обеспечен «сухой закон».

А на какую высоту можно поднять профилактику правонарушений: скажем, для начала рецидивистов лишить талонов на бритвенные лезвия. Тогда этих граждан можно будет за версту узнавать по окладистым бородам. А чтобы избежать путаницы с добродетельными бородачами, не состоявшими под судом и следствием, последних вынудить побриться.

Как вынудить? Да тем же безотказным способом — угрозой лишить талонов на курево.

Кылышбек АБЫКЕНОВ, г. Алма-Ата.

ПЛАТА ЗА СТРАХ

Главное в бизнесе — конъюнктуру рынка угадать. Объявление, которое в июне 1990 года появилось в газете «Труд», попало в яблочко. Оно гласило: «Дозиметры с нашей маркой — это гарантия вашей безопасности». Поскольку в нашей стране достоверные сведения о радиационной обстановке найти во много раз труднее, чем саму радиацию, дозиметр — жизненно необходимая вещь. Особенно для бедолаг, живущих в чернобыльской зоне.

Поэтому трое пенсионеров из радиоактивного города Новгорода-Северский Черниговской области — Н. И. Артеменко, В. С. Чмырь и В. Н. Чернявская, — посовещавшись, наскребли из своих нищенских пенсий по 100 руб. и послали по указанному адресу — в магазин «Электроника» московского города Зеленограда. И уже в октябре получили... открытку с обещанием выслать дозиметры в 4-м квартале 1990 года.

Но месяцы шли, в отличие от дозиметров. На письма из зоны тишина...

Сейчас Артеменко со товарищи уже не ждут посылок. А только лишь любопытствуют, сколько же всего НПО «Связьэлтех» и НПК «Регул» положили себе в карман с чернобыльских пенсий? Ведь чернобыльская зона огромная, и куча «заработанных» на человеческом горе радиоактивных денег может создать в «Связьэлтехе» и «Регуле» очаг радиационной напряженности. Осторожно, господа бизнесмены: чернобыльские деньги опасны для вашего здоровья!

Д. ЧАПКЕВИЧ.

НЕ СПЕКУЛЯНТ, А БЛАГОДЕТЕЛЬ

В наше время любой продавец — благодетель. Даже если он банальный спекулянт. Так и расценили поведение своего сотрудника в дирекции международных и туристских перевозок Московской железной дороги.

Дело в том, что, как сообщает председатель Котласского райнарсуда В. Крутиков, проводник поезда № 179 Воркута — Москва И. Рябова была задержана за спекуляцию горячительными напитками. Ее взяли тепленькую и решением судьи оштрафовали на 300 руб.

Копия постановления была направлена в вышеуказанную дирекцию начальнику вагонного участка восточного направления для обсуждения в коллективе. Вскоре нарсуд получил ответ, который мы воспроизводим:

ВЫПИСКА ИЗ РЕШЕНИЯ

товарищеского суда резерва проводников вагонного участка Восточного направления Дирекции международных и туристских перевозок Московской железной дороги

от "10" июня 1991 г.

СЛУШАЛИ: Материал на пр-ка ваг. Рябову Н.И. которая допустила мелкую спекуляцию.

РЕШИЛИ: На основании ст. 16 п. 4 Положения о тов. судах пр-ку ваг. Рябовой Н.А. объявить благодарность

Председатель товарищеского суда

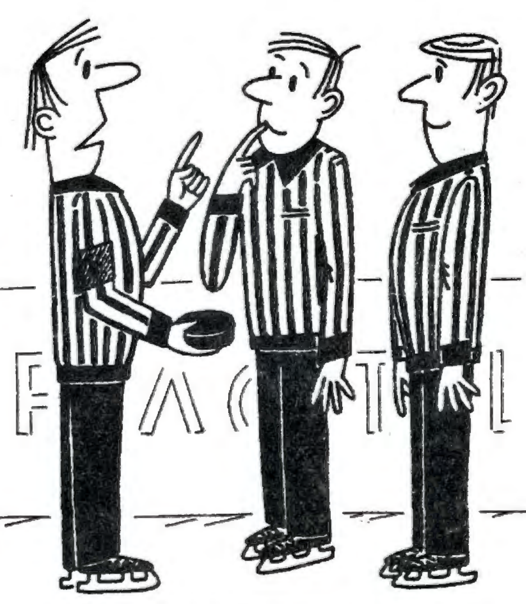
Итак, торговая спекуля.., простите, операция проводника одобрена. Главное, не попадаться отставшим от жизни законникам.

Н. МОНАХОВ.

Чтобы получить лавровый венок, нужно как минимум иметь голову на плечах.

Н. СТАНИЛОВСКИЙ.

В. ВЛАДОВ.

— В связи с дефицитом мыла зрители могут предъявить к нам особые требования.

— Игра носила очень корректный, но принципиальный характер.

Такой вот «социалистический выбор на талонной основе» предлагали нам аграрный генерал Стародубцев с компанией генералов от полиции, жандармерии и военно-промышленного комплекса. Что и говорить, веселенькая перспектива!

Но одной, даже самой заманчивой, перспективой сыт не будешь. Требовалось посулить народу что-то существенное. Кинуть, так сказать, кость. Поэтому генеральская хунта пообещала «снижение цен на отдельные виды промышленных и продовольственных товаров», что должно было вызвать бурное ликование народных масс. Неясно, правда, о каких товарах шла речь: неужели решили подкорректировать павловские реформы? Не разъяснялось также, из каких тайных закромов Родины эти товары следует добыть.

Но оказалось, что закрома тут ни при чем. Способ добычи был указан без экивоков: «незамедлительно организовать направление в необходимых количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село». Словом, все как один на битву за урожай! Таков неумирающий закон нашей модели тоталитаризма: коммунизм — это советская власть плюс мобилизация всей страны!

Ну а полученные таким способом продукты предполагалось, по-видимому, распределять с помощью танковых батальонов. Танки — отличный метод устрашения, поскольку известно, что многие колхозы и совхозы припрятывают хлеб. И если в пору военного коммунизма для изъятия излишков хлеба были созданы продотряды, то ныне с этим делом прекрасно могут справиться танковые колонны. Правда, в те далекие годы хлеб отбирали у злейших врагов советской власти — кулаков, теперь же придется грабить колхозы, которые этой властью порождены.

Парадокс? Но вот оперативные данные статистики на конец августа: по стране намолочено свыше 120 миллионов тонн хлеба, а продано государству менее четверти этого количества. И хлеб этот произвели не фермеры, не частники, а все те же милые стародубцевскому сердцу и всему его Крестьянскому союзу колхозы и совхозы. Правда, и у них свои резоны: не хватает горючего, нет стройматериалов, техники и запчастей, валюту за хлеб обещали, но не дали. Но, с другой стороны, откуда все это взять, если государству приходится тратить драгоценную валюту не на заводское оборудование и модернизацию, а на покупку хлеба у проклятых капиталистов.

Заколдованный круг? Нет, просто апофеоз колхозно-совхозной системы. Ее блеск и ее нищета.

Увы, танки здесь не помогут. И вообще танками народ не накормишь. Танк, он сам кушать хочет.

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

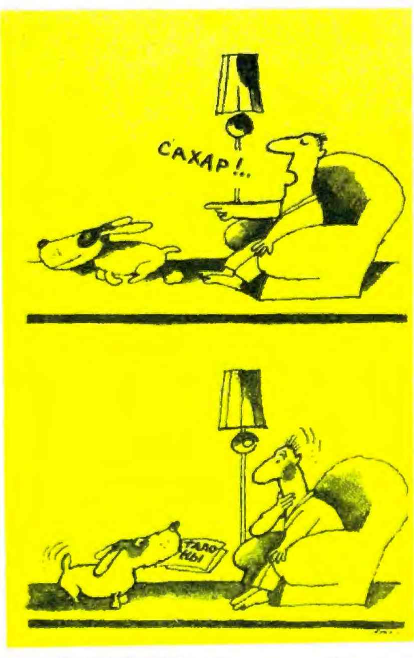

— *Подумать только, когда-то я отдыхал в Прибалтике, Молдавии, Грузии...*
— *А я даже ездил в пионерский лагерь.*

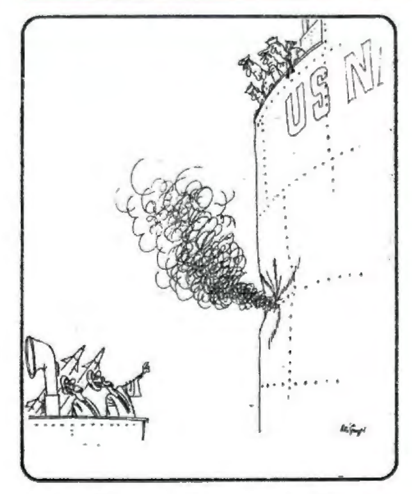
Л. ФИЛИППОВА.

«Рогач», ЧСФР.

Д. ПАКАЛНИС, «Шлуота», г. Вильнюс.

— *В будущем присылайте нам снаряды получше, от этих, как видите, толку мало.*

РЕЙЗИНГЕР, Югославия.

Над тем не каплет, кто знает кому налить.

А. ПАСТЕРНАК

НУ, ПРЯМО ДЛЯ КРОКОДИЛА!

Как известно из истории о поручике Киже, от грамматики много чего зависит. Весьма легкомысленно отнесся к маленькой запятой Курганский машиностроительный завод им. В. И. Ленина, выпускающий симпатичные сувенирные топорики, пишет Н. Гилис из Резекне. Вес топорика — 2,48 кг, но на ярлыке запятая поставлена не в том месте, в результате вес изделия возрос до 24,8 кг, что может привлечь внимание сторонников диктатуры и сувенир превратится в орудие для палача.

Мы всегда уверенно смотрели в будущее, так как знали, что в загробной жизни нас ждет коммунистический идеал. Сейчас мы не знаем, что нас ждет хотя бы через час-два, и это сказывается на пассажирских перевозках.

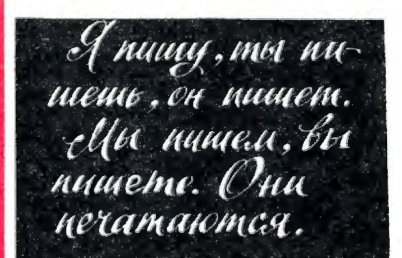
Вот какое объявление услышал Б. Щеглов первого июля по радио на Пятигорском железнодорожном вокзале: «Внимание! Поезд № 28 Москва — Кисловодск ориентировочно опаздывает на неопределенное время».

Точность примерно такая, как в песне: «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка...»

Москвич А. Мелик-Пашаев неожиданно получил пышную бумагу из ВААПа. Она извещала, что он напечатался в книге, вышедшей в Греции, и ему полагается гонорар. Бумага включала в себя чистый бланк справки-заявления, которую предлагалось заполнить и вернуть в ВААП. В справке, кроме многочисленных сведений о себе, А. Мелик-Пашаев должен был указать, в какой валюте желает он получить деньги и в каких рублях — советских или инвалютных — приятнее ему уплатить подоходный налог.

Для сведения: подоходный налог составил 2 советских копейки, а на руки счастливому автору двухстраничного текста в объемистой хрестоматии причиталась кругленькая сумма в 1 р. 70 копеек.

Вздох графомана подслушал М. АРБАТСКИЙ.

«Стыршел», Болгария.

Турандот

— Ваше высочество, ну теперь, когда мы наконец добрались до нашей редакции на Савеловском вокзале, может быть, все-таки вы скажете, почему назначили свидание в такую рань на станции метро «Университет»? И отчего были так задумчивы, будто решали все каверзности на свете одновременно, включая бином Ньютона?

— Ах, Калаф, мне хотелось взглянуть на эмгэушников, бегущих на лекции,— на первокурсников и почти выпускников. Мне хотелось угадать, неужели действительно «университет развивает все способности, в том числе — глупость».

— Ба, да вы, моя дорогая, размышляли над каверзностью I степени из № 23?

— Принц, в той трехбалльной загадке речь шла об авторе данной сентенции. Кстати, вот я вижу, у наших читателей разгорелся настоящий эпистолярный диспут. **Р. Грачева** из Воркуты считает, что это Марк Твен, **Г. Гридина** (Самара) настаивает на Козьме Пруткове, **А. Марков** (Санкт-Петербург) утверждает, что автор — Чарли Чаплин. Но тридцать восемь эрудитов, знатоки чеховских записных книжек, уверенно указывают на Антона Павловича.

— Кстати, мини-диспут возник и по поводу каверзности II степени. На вопрос: «Как правильно: упадение, упадание, упадутие, упадие или падалище?» — **Д. Торвальд** из Москвы отвечает: *«Правильно — «упадание», в чем мы можем убедиться, прочитав одноименный рассказ Даниила Хармса (Ювачева)».* Однако правильный-то ответ, конечно, «пандат», как пишет **Э. Фомина** из Челябинска и еще четырнадцать поклонников «дяди Гиляя». Они вспоминают рассказ В. А. Гиляровского «Новое слово» — о репортере Иванове, который пытался дать информацию о несчастном случае — падении со строительных лесов двенадцати рабочих. Бедный Иванов перепробовал и «упадок», и «падеж», и даже «падаль». И наконец, совершенно ошалев, добрался до «пандата». Вот так образуются новые слова!

— А как, Калаф, образуются новые, т. е. молодые, писатели-юмористы?

— На каверзность III степени отвечает одессит **С. Чижов,** начисливший себе за нее 9 баллов, по совокупности — абсолютный чемпион-восемнадцатибалльник: *«60 лет этой дамочке исполняется только на будущий год, а бабушка она — с начала 70-х. А сейчас она еще и молодой писатель. Кто же это? Конечно, Вероника Маврикиевна, то есть мой любимый артист Вадим Тонков».*

— Прекрасный ответ, чемпионский! А теперь я предлагаю устроить бенефис загадчика из Москвы А. Г. БЕЙЛИНА, который прислал в мою рубрику отменные

ЗАГАДКИ

Каверзность I степени

— «Мы ленивы и нелюбопытны». В последнее время со всех сторон слышишь эту обличительную фразу. А кто произнес ее впервые?

(3 балла).

Каверзность II степени

Когда дочь поэта спросили, какого она мнения о последней поэме отца, барышня ответила: «Но я ее не читала. Папа говорит, что для молодежи самое страшное — читать плохие стихи».

По какому поводу обнаружилась самокритичность известнейшего поэта?

(6 баллов).

Каверзность III степени

«Ветчина — превосходное средство против холеры у портных, но не у сапожников». Это вовсе не шутка. А что тогда?

(9 баллов).

ВТОРОЙ РЕДАКТОР — Н. И. СМИРНОВ

Выступая в уже привычном для себя качестве крокодильского старожила, хочу, вопреки известной формуле «этого и сторожилы не запомнят», вспомнить Николая Ивановича Смирнова, второго редактора нашего журнала.

Начну с того, что рассказывать о Николае Ивановиче не так-то легко по той простой причине, что ни в его личности, ни в его деятельности по редактированию «Крокодила» не было, откровенно говоря, чего-нибудь примечательного, незаурядного, заслуживающего особого интереса.

Нет, конечно, никакой вины уважаемого Николая Ивановича в том, что рядом с яркой, колоритной, в своем роде легендарной фигурой своего предшественника К. Еремеева он выглядит довольно бледно и маловыразительно. Ведь Еремеев был не просто инициатором создания первого советского массового сатирического журнала, который он же и окрестил «Крокодилом», но подлинной душой его творческого коллектива. Хорошо помню, каким буквально потрясением было для нас, первокрокодильцев, внезапное, непонятное, ни в какие ворота, как говорится, не влезавшее отстранение «дяди Кости» от редакторских обязанностей. Эти наши чувства были демонстративно высказаны в опубликованном в № 47 «Крокодила» за 1923 год «Постановлении» коллектива художников и литераторов об избрании К. С. Еремеева «за большую и плодотворную работу на пользу журнала» его ПОЧЕТНЫМ РЕДАКТОРОМ.

Итак, в кабинет Главного вошел Н. И. Смирнов. Его респектабельная «профессорская» внешность и солидные манеры представляли собой довольно забавный контраст с подкупающе-простецким демократическим стилем «дяди Кости». Смирнов был, несомненно, человеком интеллигентным и эрудированным, но, насколько я помню, никаких литературных, а тем более сатирических или юмористических талантов не проявлял. Душа его явно лежала больше к серьезной партийной публицистике, в частности к модному в ту пору движению «НОТ» (научной организации труда) и «Лиге Время». В этом плане я изобразил его тогда в дружеском шарже.

По моему впечатлению, сам Николай Иванович не был в восторге от своего назначения, предвидя, очевидно, трудности общения с уже прочно сложившимся крокодильским коллективом, дружным товариществом, спаянным общей любовью и преданностью своему «батьке» Еремееву. Вполне возможно, что новый редактор испытывал даже некоторую внутреннюю растерянность перед этой весьма зубастой и довольно озорной «командой» известных в стране художников и литераторов. Сказать по справедливости, он добросовестно старался с ним сработаться, но, конечно, совсем другой стала атмосфера. Веселые, непринужденные и шумные при Еремееве тематические совещания стали теперь чинными, благовоспитанными и даже скучноватыми. Но принципы, заложенные «дядей Костей» в работу «Крокодила», остались. И художники продолжали рисовать смешные злободневные карикатуры, литераторы — писать острые фельетоны, стихи, эпиграммы, «Крокодил» продолжал исправно выходить, неуклонно увеличивая свой тираж и популярность.

И все же... Была без радости любовь, была разлука без печали. Через некоторое, не очень продолжительное время Николай Иванович Смирнов, ко взаимному согласию и удовольствию, счел за благо сложить с себя редакторские полномочия и передал свое кресло, управление строптивой крокодильской вольницей, объемистый редакционный портфель с рисунками, фельетонами, читательскими письмами, «вилами в бок», всем прочим сложным и хлопотным хозяйством «Крокодила» новому, третьему редактору — Константину Александровичу Мальцеву. Но о нем — уже в другой раз...

Бор. ЕФИМОВ.

ПО ОБРАЗЦАМ УШЕДШЕЙ И ПРИШЕДШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДОВОЕННОЕ КАЧЕСТВО (М. Зощенко)

Вот издрасте, дорогие гражданчики, гражданята и товарищи. Сам я есть тоже, конечно, гражданин, хотя по церковной выписи из ЗАГСа — как раз я — городской мещанин. Вот тут и выходит! А что выходит? А то выходит, что нету у нас, извините, довоенного качества. К примеру же и расскажу.

Вот, например, я. И вот, например — Новый год. Очень прекрасно. Сажусь за обеденный столик. Сел.

Так-с. Хорошо. Ничего себе.

И что тут, например, получается, граждане — прямо удивительно. Елки и палки! Русская вобла заграничной килькой прикинулась и лезет в ревельскую коробочку. Как? Что? Почему? Ну, конечно, на девятом годике очень даже это обидно. Елки, говорю, палки. Какая же ты, говорю, килька, ежели ты есть окончательно вобла? А она молчит. Как это так индифферентно, говорю, ты молчишь? Тебе говорят? Мине, отвечает, только разговаривать я с вами, гражданин, совсем не буду. Потому, говорит, что есть я немая рыба и разговаривать мне никак не положено. Ну, туда-сюда. Смотрю — сыр без слезы. Куда же это, кричу, слеза подевалась? Какое же это, к черту, довоенное качество, ежели сыр без слезы?

И вот — издрасте — призывают меня в домком и намекают на общественную тишину и беспорядок.

— Напрасно вы,— говорят,— гражданчик, панику порете. Не будет больше вам слезы в сыре. С самого Октября у нас вышеуказанные слезы упразднены!

И вот вам издрасте, дорогие товарищи-граждане, вот как все наоборот получается, елки-палки!

И вот издрасте — под самый Новый год кушаю с семейством сыр государственный и собственной слезой давлюсь. Издрасте — за что же ж мы, граждане, боролись?

Пародия Л. МИТНИЦКОГО.

1927 г.

ВЕСКАЯ ПРИЧИНА

— Что ж ты, милая, ироду своему драться позволяешь? Теперь не старые времена, чтобы над женою рукоприкладствовать. Скажи ты ему раз навсегда: «Языком, мол, болтай, а рукам воли не давай!»

— Понимаю, голубушка... Да вот горе: ведь он до того налакавшись приходит, что язык-то у него уж и не ворочается!

ОТСТАЛАЯ ЖЕНЩИНА

— Ну чего вы ломаетесь? Не надо быть недотрогою: это мещанство! Неужели вы до такой степени пропитаны старыми предрассудками?!

— Нет, старые давно выдохлись. Но... я еще не успела пропитаться новыми.

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

— Я люблю Мокроносову, и она меня, кажется, любит. А жениться все-таки не решаюсь.

— Почему?..

— Втянуться боюсь в это дело. Раз женишься, два женишься, а там уж и пойдет, и пойдет...

1926 г.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ

Общественная кухня лучше плиты, плита лучше примуса, примус лучше, чем ничего.

* * *

Завести трех любовников вовсе не значит раскрепоститься.

1926 г.

ЕГО ПРАЗДНИК

Петр Петрович Благоволин,
Скромный труженик пера,
Весел, счастлив и доволен
И готов кричать ура,—
Подошла его пора.
Для него всего милее
Юбилеи.

Петр Петрович легче дышит,
Жидкий тенор стал густым;
Он все пишет, пишет, пишет,
Точно Щеголев с Толстым.
Для семи издательств сразу
Нужно по договорам:
Три статьи и два рассказа,
Водевиль и восемь драм:
— «Девятое января»,
— «Декабристы у царя».
— «Революции заря».
— «Фальшивый пристав»,
— «Жены декабристов».
—«Гибель на льду
в 1825 году».
«Как был убит
Лейтенант Шмидт».
И еще — хоть тресни!—
Что-нибудь о Пресне.

Петр Петрович в новой шубе,
Петр Петрович знаменит —
В каждой школе, в каждом клубе
Груда книг его лежит.
И не зря там говорится:
— Будем помнить эти дни,—
Собираем мы сторицей,
Что посеяли они.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

1926 г.

КАКАЯ КРАСИВАЯ УРОДА!

Надеемся, что любезный читатель обратил внимание на путевые заметки переводчика Алексея Кузнецова, сопровождающего иностранных гостей в поездках по Советскому Союзу («Крокодил» № 18 с. г.). Тогда же мы обратились к его коллегам с просьбой тоже порассказать что-нибудь смешное из жизни героев Сопровождения. На наш призыв первым откликнулся Григорий Дунда, старый, верный друг «Крокодила», переводчик со славянских языков. По-чешски, словацки и сербски Гриша шпарит, как по-русски.

— Небось сходство с русским помогает? — спросили мы у Гриши (для других граждан и организаций — Григорий Филиппович).

— Сходство опасное. Имеется в славянских языках коварная обоймочка слов, схожих по звучанию, но противоположных по смыслу. Тут надо держать востро не только ухо, но и язык. Ну, допустим, если чех спросит, где купить для супруги «вонявки», не думайте, что он желает спровоцировать дома развод, чтобы переженяться на молодке. Он имеет в виду духи. И, наоборот, наше нейтральное «пахнет» для чешского уха значит «смердит». Если чешский турист толкает перед собой чемодан на колесиках, покрикивая: «Позор! Позор!», он не попрекает бедностью прочих граждан, у которых нет такого красавца чемодана. Просто он предупреждает толпу: «Внимание! Осторожно!», иначе, дескать, двину вам своим сундуком по лодыжкам.

Если поляк вам скажет: «Посмотри, какая урода в гранатовом платье идет!», не ищите глазами среди прохожих кикимору в вишнево-бордовом наряде. «Урода» на польском — красота, а «гранатовый» — синий. И не надо сочувствовать югославу, о котором говорят, что он «поносится». Не торопитесь предлагать ему таблетки бесалола от расстройства желудка. Вам хотели сказать, что он гордится. «Понос» на их языке — гордость.

Помню, прежде, когда у нас чуть не на каждой крыше торчали буквищи: «Слава КПСС!», югославские туристы спрашивали с удивлением, какой смысл мы вкладываем в этот лозунг. А изумлялись они от того, что по-сербскохорватски возглас «Слава!» означает «Упокой его душу».

— Ну, что же, Гриша, кажется, в период департизации фраза «Слава КПСС!» зазвучала у нас в сербскохорватском смысле.

— А мне лично жаль, что хорваты и словенцы сказали «слава» единству народов Югославии,— печально заметил Гриша и вернулся к языковым подвохам:— Когда наши туристы едут в Болгарию или Чехословакию, я их предупреждаю: «Ради Бога, не произносите там слово «спичка», потому что начальный звук «с» почти не слышен, а остальное звучит для них совершенно непристойно. Если будете настойчиво просить спичку, вас примут за сексуального маньяка».

— Повезло, однако, переводчикам-славистам! Сколько веселых недоразумений!

— И невеселых тоже. Сопровождал я как-то чешского музыканта-органиста. Завершались гастроли во Львове. Музыкант захотел послать домой телеграмму. Мы съездили на почту и оттуда вернулись в гостиницу. Через некоторое время стук в дверь моего номера. На пороге — молодой человек с незапоминающейся внешностью. Достает привычным жестом удостоверение организации, которая могла бы называться ХВЗ — «Хочу все знать», если бы уже не называлась иначе.

— Догадываетесь, почему я к вам пришел?

Я начал припоминать свои грехи перед любимым отечеством и секунду спустя чистосердечно признался: «Нет, не догадываюсь».

— Вы хорошо знаете своего подопечного?

— Ну, как хорошо... Свои чувства он выражает не словами, а музыкой, а мне медведь на ухо наступил.

— Но вы хотя бы знаете, что он посылал сегодня телеграмму?

— Конечно, знаю. Вместе на почту ездили.

— Текст вам известен?

— Не имею привычки заглядывать пишущим через плечо.

— Напрасно, иногда такая привычка может оказаться полезной для Родины,— говорит мне молодой, но компетентный человек и достает листок с текстом телеграммы.— Переведите, пожалуйста.

Я перевел:

— «Сообщи агентство, приезжаю вторник».

— Неправильно переводите. Здесь написано: «Сообщи агентуре».

— Агентура,— поспешил разъяснить я,— по-чешски значит агентство. Имеется в виду концертное агентство. Ну как у нас Госконцерт, Росконцерт...

Успокоившись, гость удалился.

— Начальство наверняка высоко ценит своих энциклопедистов со знанием иностранных языков и в обиду вас не дает?

— Ну это вы сильно преувеличиваете. Для начальства наш брат переводчик — это некий бесполый робот, загримированный под человека. Нам это в популярной и доходчивой форме объяснил Константин Петрович, шеф Минского турбюро, железобетонный отставник, не поступающийся принципами. Он запретил подчиненным девушкам являться на работу в брюках, а мужчинам-переводчикам — в джинсах. Говорил, что это тлетворная западная мода, хотя сам, бывая за границей, накупал тлетворные тряпки охапками, для семейства. Однажды при мне вызвал переводчицу Оленьку, миловидную, стройненькую, и устроил ей выволочку:

— Что это ты себе позволяешь, Ольга! Ты советский человек и обязана носить юбку в рабочее время. Слушай мою команду: брюки в рабочее время — отставить!

— В конце концов,— всхлипнула Оля,— я имею право быть привлекательной! Не забывайте, что я — женщина...

— Никакая ты не женщина. Ты — переводчица.

Так с помощью Константина Петровича мы осознали свою нулевую половую принадлежность.

Когда-то я работал с популярным югославским эстрадным певцом Джорджи Марьяновичем. Он был одним из первых шоуменов — приплясывал и прыгал, когда пел, тогда это у нас было в новинку — наши солисты стояли столбом у микрофона. Конферансье у него работал Александр Барушной, наш эстрадный актер, человек с холеным аристократическим лицом. В кино он играл лордов и не наших генералов. И вот, помню, в гостинице Ростова-на-Дону мы с Барушным отправились к дежурной по этажу и мощным дуэтом потребовали туалетную бумагу.

— А кто вы такие? Иностранцы? — спросила дежурная и боязливо-уважительно покосилась на герцогский профиль Барушного.

— Нет, мы советские, но сопровождаем югославскую эстраду! — отчеканил я с пафосом, который сам собой прорезается, когда срочно требуется туалетная бумага.

Она набирает телефон администратора и говорит:

— Вот тут подошли двое русских, они с югославами работают. Просят туалетную бумагу. Да, для себя. Понятно.— И, положив трубку, отрезала: — Русским туалетная бумага не положена.

По-моему, она одним махом ответила на все философские вопросы о причинах несчастий нашего народа. Если мы сами к себе относимся по-свински, чего ж хорошего нам ждать на этом свете?

«Раскалывал» старого друга Марк ВИЛЕНСКИЙ.

ЗВЕЗДЫ УЛЫБАЮТСЯ

Софи ЛОРЕН

Однажды Софи Лорен была приглашена на торжественный прием, устроенный Организацией Объединенных Наций. Во время ужина она разговорилась с сидящим рядом сотрудником ООН. Когда прием подошел к концу, Софи обратилась к соседу:

— Я рада нашему знакомству и хотела бы попросить вас об одном одолжении...

— Вряд ли я смогу вам чем-нибудь помочь, — растерянно произнес сосед, окинув беглым взглядом восхитительный бюст актрисы, — поскольку я эксперт по слаборазвитым регионам.

Из высказываний Софи Лорен

Красивые женщины всегда имеют гораздо больший успех, чем умные. Все дело в том, что слепых мужчин мало, но зато много глупых.

●

Сексапильность* состоит на пятьдесят процентов из того, чем вы обладаете, и на пятьдесят процентов из того, о чем люди думают, что вы этим обладаете.

●

Красивая женщина, подобно солнечному светилу, может вызвать магнитную бурю в сердцах мужчин.

Перевел с чешского Д. ФИЛОНОВ.
Шарж В. ПЕРГЛЕРА (ЧСФР).

* Сексуальная притягательность (*англ.*).

КРИМИНАЛ-ЮМОР

— Как вам пришло в голову украсть на кладбище велосипед?

— Я решил, что его владелец уже умер.

Судья спрашивает:

— Итак, вы признаетесь, что стреляли в охранника из пистолета с глушителем?

— Все правильно, господин судья. Я не хотел будить хорошего человека.

— Уже в пятидесятый раз вы стоите перед судом из-за карманной кражи, — говорит в отчаянии судья. — Что нам теперь с вами делать?

Подсудимый:

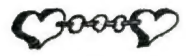
— Может быть, устроим маленький юбилейчик, господин судья?

— Как долго ты должен еще сидеть? — спрашивает один заключенный другого.

— Десять лет.

— Ты не боишься, что за это время твоя жена сбежит от тебя?

— Еще чего. Во-первых, она не из таких, а во-вторых, ей самой дали восемь лет.

— Лотар, — спрашивает посетитель, — как вы попали в тюрьму?

— Ах, я хотел увезти свою невесту, но в спешке захватил только ее приданое.

Перевела с немецкого
Людмила ЯКОВЛЕВА.

Скорость, сервис и прогресс
Дарит людям МПС!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

Фото В. ГОРОВЫХ,
Брянская обл.

В антикварном магазине.

— Послушайте, мистер! Набалдашник трости, которую я у вас купил, оказался вовсе не из слоновой кости, а пластмассовым.

— Невероятно! Видимо, у слона был искусственный вставной бивень!

●

— Прости, дорогая, но почему ты жаришь котлеты разного размера?

— Не ты ли вчера требовал разнообразить наше питание?!

●

Полиция останавливает автомобиль, петляющий по шоссе.

— Сэр, мы должны проверить вас на алкоголь!

— Отличная идея, ребята! А где у вас здесь поблизости бар или ресторанчик?

●

Техасский мультимиллионер собственноручно бреется и говорит ошарашенному слуге:

— Не удивляйся, Том! Вчера врач рекомендовал мне физические упражнения.

●

Священник отчитывает художника.

— Сын мой! Где вы видели ангелов в ботинках?!

— А где вы, святой отец, видели ангелов без ботинок?

●

Жена жалуется мужу:

— Ну и приятели у тебя! Чтобы больше ни один из них не переступал порога нашего дома!

— Но почему, дорогая?

— Кто-то из них украл у нас набор серебряных ложек!

— Это каких же?

— Тех, где выгравировано «Отель Хилтон».

●

Полицейский наряд едет на автомашине. Сержант говорит новичку:

— Эй, малый, а ну глянь, работает на крыше мигалка?

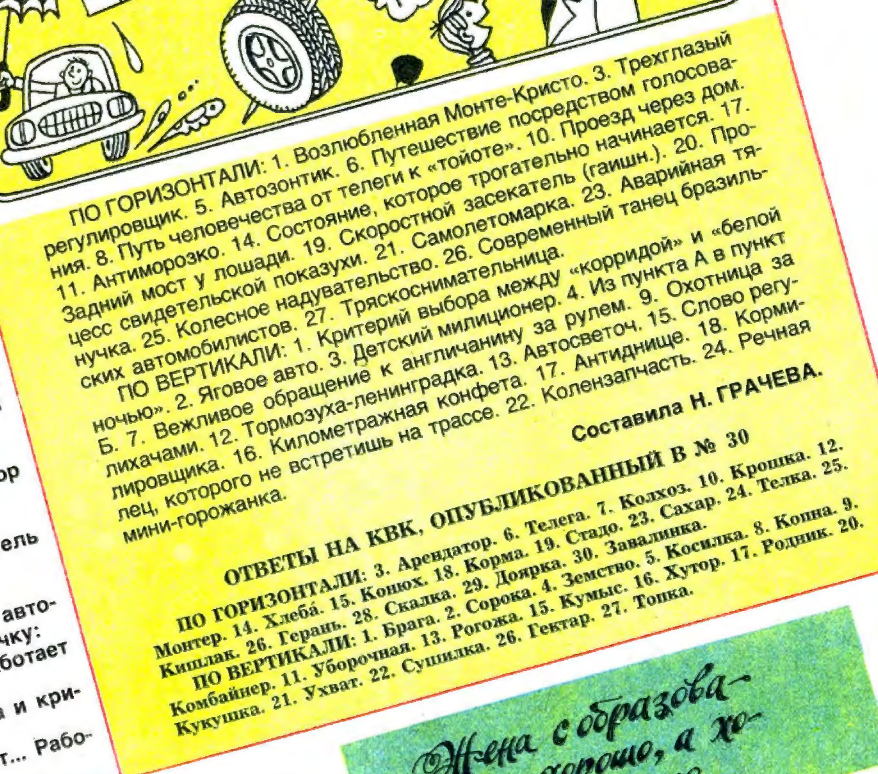
Тот высовывается из окна и кричит:

— Работает... Не работает... Работает... Не работает.

Из журнала «Эйша уикли ревью» (Гонконг)

Перевел с английского А. ЕВСЕЕВ.

КРОССВОРД «АВТОМОБИЛЬНЫЙ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Возлюбленная Монте-Кристо. 3. Трехглазый регулировщик. 5. Автозонтик. 6. Путешествие посредством голосования. 8. Путь человечества от телеги к «тойоте». 10. Проезд через дом. 11. Антиморозко. 14. Состояние, которое трогательно начинается. 17. Задний мост у лошади. 19. Скоростной засекатель (гаишн.). 20. Процесс свидетельской показухи. 21. Самолетомарка. 23. Аварийная тянучка. 25. Колесное надувательство. 26. Современный танец бразильских автомобилистов. 27. Тряскоснимательница.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Критерий выбора между «корридой» и «белой ночью». 2. Яговое авто. 3. Детский милиционер. 4. Из пункта А в пункт Б. 7. Вежливое обращение к англичанину за рулем. 9. Охотница за лихачами. 12. Тормозуха-ленинградка. 13. Автосветоч. 15. Слово регулировщика. 16. Километражная конфета. 17. Антиднище. 18. Кормилец, которого не встретишь на трассе. 22. Колензапчасть. 24. Речная мини-горожанка.

Составила Н. ГРАЧЕВА.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 30

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Арендатор. 6. Телега. 7. Колхоз. 10. Крошка. 12. Монтер. 14. Хлеба́. 15. Конюх. 18. Корма. 19. Стадо. 23. Сахар. 24. Телка. 25. Кишлак. 26. Герань. 28. Скалка. 29. Доярка. 30. Завалинка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Брага. 2. Сорока. 4. Земство. 5. Косилка. 8. Копна. 9. Комбайнер. 11. Уборочная. 13. Рогожа. 15. Кумыс. 16. Хутор. 17. Родник. 20. Кукушка. 21. Ухват. 22. Сушилка. 26. Гектар. 27. Топка.

М. ВАЙСБОРД.

Жена с образованием — хорошо, а хорошая — лучше.

А. БАТИЕВСКИЙ.

И. БОРОДКИН,
«Капкан»,
г.Чебоксары.

Т. ФАИЗОВ, «Чаян», г. Казань.

Павел ТАУССИГ (ЧСФР)

НАШ ЧЕЛОВЕК ЗА ГРАНИЦЕЙ

Представитель небольшого по численности народа во время пребывания за границей довольно быстро обнаруживает, что точно так же, как он не может врубиться в сленг местного населения, это население не понимает его родного языка.

Такое открытие вызывает у некоторых наших сограждан прелестное ощущение раскрепощенности, и они спускают язык со всех тормозов. Помню историю, слышанную еще от отца, о том, как пассажир третьего класса, плывущий на океанском лайнере в далекую Америку, вышел на прогулочную палубу, сел за свободный столик и стал нарезать ветчину. Мимо проходил пожилой американский миллионер. Пассажир как бы невзначай бросил ему вслед на певучем пражском наречии: «Небось пожрал бы, дед замшелый?» Старик повернулся и ответил ему на том же наречии: «А что? Пожрал бы, если бы ты меня угостил, жмот несчастный!»

Тогда я весело смеялся, думая, что такое может случиться только в анекдоте. Но вот новейший реальный случай.

Остров Барбадос расположен на обратной стороне земного шара. Две супружеские пары из Праги проводили свой отпуск в этом достаточно отдаленном от их дома уголке. Пока мужья попивали пиво в местном баре, жены решили искупаться в океане. Сезон уже закончился, и пляж был пуст. Дамы заплыли далеко от берега и на обратном пути весело и громко переговаривались между собой, однако до тех пор, пока не заметили стоявшего на берегу мужчину, который не спускал с них глаз. Изменить направление они не могли никак, поскольку он стоял у их одежды. Почти у самого берега одна из дам обронила: «Что этот идиот так на нас пялится?» На что незнакомец тут же ответил: «Не пялится, милые пани, а с удовольствием вас слушает!» Это был чешский эмигрант, живущий в Австралии. Прогуливаясь по берегу, он неожиданно услышал обрывки родной речи, принесенные ветром со стороны океана. Вот и стоял он, изумленный, с застывшим взглядом, вслушиваясь в знакомый с детства говор.

Во Французских Альпах меня и моих друзей возмущала наглость членов лыжного клуба из ближайшей деревни, постоянно норовивших пройти на канатку вне очереди. Не владея французским, мы не стали качать права, но зато во всеуслышание честили их на родном чешском. Неожиданно самая что ни на есть французская нахальная лыжница из этой компании бросила нам через плечо на чистейшем чешском: «Я вам советую поберечь свои нервы, земляки!» Даже я, повидавший в жизни всякое, не ожидал такого оборота. Эта девушка была родом из Домажлице, два года назад вышла замуж за французского таможенника.

Если бы я имел власть, я бы за рубежом в разных злачных и бойких местечках установил таблички с предупреждением: «ЗЕМЛЯК, ПОПРИДЕРЖИ ЯЗЫК!» Однако такой властью я не обладаю, и мне ничего не остается, как на приведенных примерах показать, что, давая волю родному языку вдалеке от родины, легко можно попасть впросак.

Из журнала «Новый дикобраз» перевел В. МИРОШНИЧЕНКО.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!

И. ЛОСОСИНОВ.

Маргарита ТЕРЕХОВА

У нее экран во власти,
Тайны сцены ей открыты.
Безусловно — это Мастер
И к тому же Маргарита.

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

75 коп. Индекс 70448.

КОНКУРС «ЕЩЕ СМЕЕМСЯ»

А. ПОПОВ, г. Ставрополь.

А. ГАБДУЛХАКОВ, г. Уфа.

В. ШЕНГУР, г. Севастополь.

— Товарищ полковник! Товарищ генерал приказал долго жить!
— Выполняйте приказание!

А. КОВАЛЕВ, Московская обл.

— Смилуйся, государыня рыбка, не хочу быть хозяином страны, хочу быть слугой народа.

А. ПОГРЕБНЯК, Иркутская обл.

А. КЛИМАН, г. Волгоград.

Д. КОНОНОВ, г. Пермь.

— Раз у тебя месяц нет горячей воды — будешь играть Отелло.

А. ПИЛЬНИКОВ, г. Санкт-Петербург.

А. ЯХИН, г. Красноярск.

Л. КОЗЛЕНКО, г. Саратов.